

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-48

Оформление серии *Е. Околицыной*

Редактор серии *А. Антонова*

Черкасова, Надежда Анатольевна.

Ч-48 Инстинкт мести : [роман] / Надежда Черкасова. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Сердце пополам. Детективные романы Н. Черкасовой).

ISBN 978-5-04-101893-1

У Аси страшное горе: убит отец. Чтобы вывести девушку из депрессии, старый друг семьи приглашает ее на работу в свою газету. Асе предстоит вести журналистские расследования и готовить острые разоблачительные материалы. Что ж, это совпадает с ее интересами, ведь она намерена во что бы то ни стало найти и наказать убийцу отца. Правда, для этого Асе придется разочароваться в одних людях и влюбиться в других, заменить розовые очки темными и разобраться наконец, где у пистолета спусковой крючок и как снять его с предохранителя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101893-1

© Черкасова Н., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

*На старости лет обнаруживаешь,
что месть — все-таки самый надеж-
ный вид правосудия.*

Анри Бек

Глава 1

Зацепин подъехал к добротной, украшенной лепным декором сталинке с высоким бельэтажем, — нестареющей классике, давно превратившейся в бренд, но упорно не желающей сдаваться и уверенно держащей форс. Нырнув под арку, внедорожник оказался в уютном московском дворике, на редкость тихом и спокойном для центра огромного мегаполиса.

Нехотя спихнув с мягкого сиденья грузноватое тело, счастливейший из смертных залюбовался своей новой игрушкой: стильный элегантный «Мерседес-Бенц» цвета «белый бриллиант» сверкал на солнце отлакированными боками, радуя глаз, вызывая чувство гордости и превосходства, а также авансом присваивая владельцу неотразимый имидж хозяина жизни.

Разглядывая себя в глянцевой двери автомобиля, словно в зеркале, Зацепин поправил все еще густую шевелюру — предмет гордости, несмотря на упорные слухи о чрезвычайной мужественности и сверхсексуальности лысеющих мужчин, — и одернул полы дорогого пиджака. Настроение чудесное, самооценка на должной высоте, а его автомобиль лучше и красивее, чем у других мужиков. Поэтому у Зацепина больше шансов на победу.

В завоевании женщин, что ли? А с чем еще можно сравнить любовь мужчины к железному коню? Разве

что только с любовью к женщине. Да и в стрессовых ситуациях его ничем не заменить. Не идти же к психологу, а тем паче к психоаналитику, в самом-то деле! Надо просто сесть за руль и уехать от любых проблем куда глаза глядят.

Что это с ним? Он рассуждает как пацан. А ведь ему уже далеко за сорок. Ну и что? Молоденькие женщины как вешались ему на шею, так и вешаются. Но Зацепин прекрасно понимает, что из женитьбы на одной из них ничего путного в конечном счете не получится. Потому что его жажда любви так и останется неутоленной — речь идет о настоящем чувстве, которое не купишь ни за какие деньги, — страсти суждено будет заглохнуть от осознания того, что юные и душой и телом всегда тянутся к сверстникам.

Это, в сущности, вполне естественно и соответствует законам природы. К тому же он уже дважды вступал в бурную реку семейных отношений, но полюбить своих жен так и не удосужился. Потому что всю жизнь страдал об одной-единственной, которая была занята.

Вот потому-то у вьющихся вокруг него молоденьких дамочек шансов никаких. Они нужны ему разве что для спортивного интереса, в угоду разрекламированной моде на молодость, которая на поверку оказывается бездуховной и весьма падкой на денежные знаки. А также чтобы поддержать форму, не дать упругому мускулистому телу превратиться в скопище жира, постоянных депрессий, стрессов, фобий и страхов, которые всегда держатся вместе, делая недвусмысленные намеки на возраст и все такое прочее, с чем Зацепин соглашаться не торопится.

Нет, так запросто он не сдастся. Тем более теперь, когда его ждет счастливая семейная жизнь с любовью всей его жизни. Да, он прекрасно понимает, что быть

молодым можно только в двадцать восемь, ощущать себя молодым — в тридцать пять или даже в сорок, а уже после сорока пяти — если, конечно, хорошо поднапрячься — остается только казаться молодым.

Сначала секрет долгожительства искали лишь во внешней среде, но потом наконец поняли, что главные причины старения кроются внутри, в самом человеке. И чем больше любви в его душе, тем он добросердечнее, тем больше готов к любым изменениям, а потому и жить ему дольше остальных. Теперь Зацепин открыт для окружающего мира, для счастья, о котором так долго мечтал.

Отныне он отказывается играть второстепенные роли, такие как двоюродного брата мужа любимой женщины или, на худой конец, лучшего друга — стабильного, всегда готового прийти на помощь и разрывающегося между долгом и собственными желаниями любить и быть любимым. Целых двадцать восемь лет он ждал своего часа. И вот его час наконец настал. Теперь можно предъявить счет судьбе и потребовать то, что принадлежит ему по праву.

А если Зацепин ошибся? Не слишком ли долго он ждал? Может, потому так страстно и желал получить Маргариту, что та была недоступна? А если все эти годы — лишь время, съеденное завистью?

Нет, не может быть! Потому что теперь он и в самом деле по-настоящему счастлив. Сейчас даже самому себе не надо врать, как же хорошо ему на свете жить. Оттого что она свободна. И Зацепин пойдет на все, чтобы сделать любимую счастливой. Он уже преступил черту, за которую прежде и заглядывать-то боялся, дошел до своей персональной точки невозврата, поэтому должен идти только вперед, потому что даже оглянуться для него — равносильно смерти.

Зацепин вытащил из багажника огромный букет белых роз, пакеты с продуктами, поиграл с пультом, замыкая машину и слушая приятные сердцу звуки, направился к подъезду. Привыкший ездить на лифте, с трудом поднялся на пятый этаж.

У Антона, как ни у кого, была возможность купить любую новомодную роскошную квартиру в центре столицы, но о том, чтобы предать дом, в котором прошли его детство и юность, дом, где поселилось семейное счастье с единственной любовью всей его жизни, и речи не могло быть. Даже в недавно построенный особняк в Барвихе он наведывался редко, впрочем, как и его семья, которая так и толкалась в этой старой квартире, словно не решаясь покидать обитель радости, оплот веры, надежды и любви. Вот только никакие символы Антону не помогли.

Зацепин постоял возле высокой массивной двери, чтобы немного отдышаться и дать себе время принять соответствующее случаю трагическое выражение лица, затем ткнул пальцем в кнопку звонка. Дверь немедленно отворилась, и на пороге застыла в немом ожидании женщина, за которую он готов был бороться до конца своей жизни. Но борьба закончилась, и теперь только он один имеет на нее право.

Вот она — та, которую он всегда любил, любит и будет любить вечно: стройная, нежная, импульсивная и страстная, с бездонной синевой мерцающих глаз и рюсыми до плеч волосами с заметной уже проседью. Перед такими робеют мужики, опасаясь все понимающего и чуть ироничного взгляда, а потому и выбирают молоденьких и глупых, чтобы не упасть хотя бы в собственных глазах и сильно не ушибиться.

Теперь она немного сдала и побледнела лицом, но стала более трогательной и совсем беззащитной. Ее хо-

чется взять на руки, прижать к груди и уже никогда от себя не отпустить. Нежность захлестнула Зацепина волной, и он даже дышать перестал, не в силах оторвать от Маргариты восторженного взора.

— Это тебе. — Он протянул букет. — Поздравляю с днем рождения!

— Ах да!.. День рождения... — Она растерянно смотрела на цветы. — Я совсем забыла. Ты проходи. — Маргарита сделала шаг назад, пропуская Зацепина, и только после того, как тот переступил порог, приняла цветы.

И снова условности, которые еще никого и никогда не спасали. Но вера в них неискоренима, как неистребимо убеждение в существовании чуда, которое может все-таки однажды случиться. Значит, она тоже не перестала ждать чего-то хорошего от жизни. И именно он сотворит для нее все возможное и невозможное, одарит счастьем, которого ей в жизни недодали. Нет, она не разочаруется. Потому что, как никто другой, достойна всего самого лучшего.

— Спасибо! Не стоило беспокоиться.

— Вот тут еще продукты. Не сидеть же вам в день рождения голодными.

Маргарита направилась в кухню. Зацепин запер дверь на ключ и с пакетами поплелся следом. Его сердце билось так громко, словно пыталось выдать тайну тайн, о которой она прекрасно знала, но раскрывать также не торопилась.

— Хорошо, что ты приехал. Я уже хотела звонить и просить тебя переговорить с Асей. Она сама не своя. Никак не может прийти в себя. Да и понятно: два месяца всего прошло с похорон. Она из дома почти не выходила за это время. Только один раз съездила в офис, оформила отпуск. А через месяц попыталась выйти на работу, но не смогла. Попросила без содержания — не

дали. Вот и уволилась. Я боюсь за нее. Меня она не слушает. Может, тебе удастся как-то повлиять?.. А с другой стороны, Асю тоже можно понять. Даже не знаю, что делать. Пока Антон был жив, мне все было ясно. А как его не стало, я как будто себя потеряла и никак не могу отыскать.

— Хорошо. Я поговорю. Она у себя? Ты пока накрывай на стол, а я схожу за ней.

— Ты только поаккуратнее. Асенька сейчас как оголенный провод.

Зацепин прошел по просторному длинному коридору с высокими, под потолок, застекленными книжными шкапами, мимо зала с настезь распахнутыми дверьми, открытого кабинета, также забитого книгами, остановился возле комнаты Аси и в нерешительности потоптался. В этой огромной квартире чужой мог и заблудиться, но не Зацепин, который приходил сюда с малолетства. Сколько же лет прошло, а почти все как прежде. Почти. Потому что нет Антона, решительного и активного, но в то же время осторожного и осмотрительного. Словно в нем жили два человека. Теперь их нет обоих.

Он постучал, но не получил ответа, приоткрыл дверь и заглянул в комнату. Ася лежала на кровати, вперившись в высоченный потолок и словно разглядывая замысловатый рисунок позолоченной лепнины. Веером расположившиеся на подушке русые до плеч волосы показались Зацепину похожими на крылья парящей птицы. Осунувшееся мрачное лицо, покрасневшие глаза — все как обычно за последние два месяца.

— Привет, Оса! К тебе можно?

— Привет, Следопыт! Заходи.

Так прозвал их Антон: Асю — за языкастость, Зацепина — после принятия должности редактора незави-

симой частной газеты «Следопыт», издания общественно-политической направленности с острыми и смелыми материалами на самые злободневные темы. Ася с удовольствием присоединилась к отцу и уже по-другому крестного не называла, так как тот представлялся ей героем, прямо как в романах Фенимора Купера, которыми она зачитывалась в детстве.

Зацепин вошел и прикрыл дверь. Он сел недалеко от кровати в старинное широкое уютное кресло и задумчиво разглядывал крестницу. Ася повернулась на бок и уставилась на Зацепина. Лицо обиженное, как у ребенка, глаза ввалились, и такая тоска во взгляде, что появляется желание погладить ее по головке и успокоить.

Но он не станет этого делать. Попытался однажды и чуть не утонул в потоке слез. Как же она, должно быть, устала от одиночества, что даже Зацепин представляет для нее какой-то интерес. Раньше от компьютера было не оторвать, а теперь, видимо, поняла, что ей без живого человеческого общения не выжить. Наконец-то осознала, что невозможно найти ответы и решения своих проблем в Интернете.

Прогресс в виде Интернета прет, как асфальтовый каток, подминая под себя молодые умы и души, впитывая в них негативную и агрессивную информацию, а также вынуждая терять навыки человеческого общения. И если у поколения Зацепина сохранилась хоть какая-то внутренняя защита, то молодые лишены этого иммунитета и принимают всю вываливающуюся на них информацию за чистую монету.

Как же она сейчас похожа на мать: от подвижности и жизнерадостности у обеих и следа не осталось, их безукоризненная логика неспособна осознать происшедшее. Погасли без Антона, словно свечки.

Смотрит на него синими, как у матери, глазищами и надеется, что он сможет ответить на мучающие ее вопросы, разрешить неразрешимые проблемы. Что же она хочет от него услышать — слова утешений? Но попытка как-то поговорить с ней об отце ему не удалась, так как Ася тут же начала плакать, поэтому беседы по душам не получилось. Что ждет его на этот раз?

— Как поживаешь?

— Никак. От меня одна оболочка осталась. Лежу вот, сил набираюсь.

— Зачем тебе столько сил? Два месяца уже лежишь.

— Очень нужны. Для мести.

— И кому ты собралась мстить?

— Тому, кто разрушил мое счастливое семейное осиное гнездо. Жила раньше в нем, никого не трогала. А кто-то пришел и разворошил.

— Кто? — Зацепин заерзал в кресле, которое вдруг показалось ему не таким уж и удобным. — Ты имеешь в виду кого-то конкретного?

— Конечно. Убийцу моего отца. А кто он — мне еще предстоит выяснить.

— И что ты сделаешь, когда узнаешь?

— Убью его. А потом.. — Ася замолчала, пытаясь сдерживать слезы.

— Потом — что?

— Убью его еще раз.

— Но ты и сама можешь погибнуть.

— Какая разница! Осы жалят даже мертвыми.

— Не хочешь меня взять в помощники?

— А ты пойдешь? Конечно, хочу! Мне нужны помощники. Даже очень.

— Пойду, куда ж я денусь! Особенно теперь, когда Трунова, подозреваемого в убийстве Антона, освободили по постановлению следователя, так как подозрения

в его причастности к убийству не подтвердились. Предварительное следствие также приостановлено. В связи с тем, что лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено.

Ася села на кровати, спустив ноги на пол. Она ошеломленно взирала на Зацепина и отказывалась верить услышанному.

— Но разве такое может быть?! Разве они не должны искать убийцу до тех пор, пока не найдут?

— На свете может быть даже такое, что тебе никогда и в голову не придет. А то, что они сделали, законно. И ни обсуждению, ни возражению не подлежит.

— Даже нельзя жалобу на них подать?

— Кому — им же самим? У них одна система, и своих она в обиду не дает.

— Тогда что же делать?

— Жить дальше.

— А если жизнь теперь превратилась в сплошную боль? И усмирить ее может только месть?.. Знаешь, был когда-то такой французский драматург, Анри Бек. Ему в жизни приходилось часто разочаровываться. Так вот он лишь к старости понял, что самый надежный вид правосудия — месть. Я это осознала гораздо раньше.

— Ты даже не допускаешь, что твой Анри Бек ошибался?

— Терпеть не могу, когда отвечают вопросом на вопрос.

— Я знаю только одно: хочешь мстить — вырой две могилы. Это сказал Конфуций, и я с ним согласен.

— Они давно вырыты. Обе. Стоят готовенькие, ждут постояльцев.

— Оса, ты играешь с огнем. А от него, как известно, одни головешки остаются. Не хочешь же ты превратить свою жизнь в головешку?